

— Второй господин, мы прибыли в уезд Фэнчэн.

В карете долго царило молчание. Приземистый толстяк не смел шелохнуться, согнувшись в три погибели. По его лбу катился пот — то ли от жары, то ли от липкого страха.

Спустя томительную паузу рука вцепилась в край дверцы, и из экипажа, пошатываясь, вышел мужчина. Он замер на подножке, облаченный в роскошный шелк с затейливой вышивкой. Ворот его дорогого одеяния был небрежно распахнут, вид — помятый. На вид ему не было и тридцати, лицо заурядное, но взгляд — тусклый, под глазами залегли тяжелые тени, а губы казались безжизненными. Весь его облик выдавал человека, истощенного многолетними излишествами и пороками.

Толстяк угодливо подскочил ближе:

— Второй господин, взгляните...

— Что это за дыра? — Мужчина, которого величали Вторым господином, окинул ленивым взором обшарпанные городские ворота, и в тот же миг его лицо исказилось от ярости. Он с размаху наступил на подставленную круглую физиономию слуги и с силой оттолкнул его ногой.

Толстяк, охнув, повалился навзничь и по инерции несколько раз перекувырнулся в пыли.

— Я возвращаюсь! — взревел господин.

Слуга вскочил на ноги и, заискивающе улыбаясь, затараторил:

— Второй господин! Господин канцлер приложил столько усилий, чтобы отправить вас именно сюда, у него наверняка есть свой расчет. Потерпите, уважьте старика. Побудете здесь недельку-другую, пока гнев господина канцлера не утихнет, и он сразу же призовет вас обратно.

— Неделю-другую?! Да я здесь и мига не вынесу! — Что это за проклятое место? Такого убожества он в жизни не видывал. Это город? Больше похоже на трущобы для нищих!

— Господин, смените гнев на милость, ведь ваш батюшка старается ради вас! Сейчас в столице обстановка накалена до предела, недруги вцепились в вас мертвой хваткой. Вам нужно переждать, чтобы у канцлера были развязаны руки для большой игры. Нельзя же пренебрегать его заботой! — уговаривал толстяк.

Гнев Мина не утихал. Он был готов покинуть столицу, но торчать в этом богом забытом захолустье? Неслыханно!

— Второй господин, на этот раз батюшка твердо решил, что вам нужно пожить в строгости и усмирить нрав. Потерпите немного, и как только вести о вашем примерном поведении достигнут столицы, за вами тотчас пришлют людей.

— Я — сын самого канцлера, племянник любимейшей императорской наложницы Мин! И я

должен пресмыкаться в этой глуши, словно побитый пес? — Голос Мина Пэнкуня дрожал от злобы.

— Ох, и дурак же я, — толстяк отвесил себе звонкую затрещину. — Я хотел сказать...

— Ладно, довольно! — нетерпеливо бросил Мин Пэнкунь.

Он понимал, что его неосторожность наделала много шума, разгневала отца и создала проблемы тетушке-наложнице. Отец выслал его, чтобы сбить след и подготовить ответный удар. Мин не был совсем уж безмозглым и понимал: возвращаться в столицу сейчас — верная гибель.

Прищурившись, он вспомнил, как более десяти лет царил в высшем свете столицы, и никто не смел перечить ему. А этот старый хрыч, Хоу Гуанань, вцепился в него только из-за того, что Мин забавы ради поиграл с одним из подчиненных ему гэров! Тот малец должен был за счастье почитать внимание самого господина Мина, а вместо этого взял и наложил на себя руки. Неблагодарная тварь!

А тут еще сторонники королевы подлили масла в огонь, раздув скандал так, что у отца и тетушки голова пошла кругом. В итоге его выставили вон — «искупать вину» в этой дыре!

Мин Пэнкунь с детства привык к роскоши и вседозволенности. Отец — всемогущий, тетя — в фаворе, в столице перед ним расступались даже принцы крови. Видел ли он когда-нибудь подобное унижение?

Второй господин Мин не жаждал власти и не лез в интриги, его единственной страстью были плотские утехи. С тринадцати лет он перепробовал всех столичных красавцев. Стоило ему на кого-то указать пальцем, как жертву доставляли к нему. Семьи похищенных гэров молча глотали обиду, зная, кто стоит за его спиной. Были и такие чиновники, что сами приводили своих хорошеньких гэров в его поместье, надеясь через постель выслужиться перед кланом Мин.

Конечно, Мин знал меру: он никогда не трогал тех, за кем стояли великие кланы, равные его отцу. Он выбирал слабых. За двадцать лет бесчинств он лишь однажды получил отпор — от третьего сына семьи Ли. И вот теперь такой провал! «Хоу Гуанань! Семья Ли! Если я не отомщу, я не Мин Пэнкунь!»

— Мин Фулай!

— Я здесь, господин!

— Найди мне здесь лучший бордель, чтобы я мог дух перевести. И чтобы до заката я переехал в самое поместительное имение этого города. Сделай всё в лучшем виде, иначе... хм... — его голос стал зловещим.

— Не извольте беспокоиться, господин, всё исполню.

Такого захолустья Мин Пэнкунь не видел даже проездом. Но ради того, чтобы отец сменил

гнев на милость, ему пришлось смириться. Чувствуя, как внутри всё закипает от досады, он скрылся в недрах кареты.

Процессия под охраной всадников рванула к центру города. Возничие даже не думали притормаживать перед редкими прохожими, наоборот — грубо выкрикивали:

— С дороги! Второй господин едет! Посторонись, чернь!

К счастью, людей на улице было мало. Горожане успевали отскочить в сторону, хотя некоторым пришлось буквально падать в дорожную пыль, чтобы избежать копыт. Когда всадники скрылись, люди начали перешептываться, негодуя:

— Это кто еще такие? Что за наглость — нестись так по главной улице!

— Судя по одежке и выправке — важные господа из столицы. Что им понадобилось в нашей бедности? К родне, что ли, приехали?

— Ш-ш-ш! — предостерег один из мужчин постарше. — Видно же, что люди непростые. Лучше не лезть, не то беды не оберешься. Расходитесь подобру-поздорову.

В Фэнчэне, где люди жили небогато, заведений для развлечений было раз-два и обчелся. Лишь несколько домов свиданий прятались в тихих, глубоких переулках. Самым крупным и нарядным среди них был «Весенний терем». Считалось, что здесь собраны красивейшие гэри всего уезда, а некоторые даже владели искусствами — игрой на цине или каллиграфией.

Сумерки еще не спустились на город, когда пропитанный ароматами пудры и благовоний «Весенний терем» принял необычного гостя. В самом большом покое на втором этаже все лучшие гэри заведения выстроились в ряд, разодетые в пух и прах. За ширмой нежно зазвенели струны циня. За резным круглым столом вальяжно расположился Мин Пэнкунь, а за его спиной застыли хмурые телохранители с мечами.

— Господин, перед вами — лучшие цветы нашего сада, — пропел разодетый фулан-содержатель, обмахиваясь платком и заискивающе улыбаясь.

Его глаза лихорадочно блестели: такая жирная добыча редко забредает в их края! Он уже прикидывал, сколько золота удастся выкачать из этого знатного гостя.

— И это — ваш лучший притон? — Мин Пэнкунь лениво вертел в руках кубок, с брезгливостью оглядывая шеренгу.

— Ну что вы, господин! В этом уезде мой «Весенний терем» — первый. Никто и в подметки нам не...

Не успел фулан договорить, как Мин с силой швырнул кубок об пол. Хрусталь разлетелся на тысячи осколков. Одним движением руки он смел со стола остальные кувшины и чаши.

— А-ах! — содержатель в ужасе отшатнулся, а изнеженные гэри задрожали, побледнев от страха.

— И эти уродины смеют называть себя первыми?! — прорычал Мин Пэнкунь. — И это пойло вы называете лучшим вином?!

Какое отребье они смеют выставлять перед ним? Само их присутствие оскверняло его взор! Если бы только ему позволили взять с собой хотя бы одну из его столичных наложниц...

— Го-господин... неужели вам никто не пришелся по вкусу? — заикаясь, спросил перепуганный содержатель.

Этот знатный гость оказался не просто капризным, а сущим исчадием ада. Старый фулан-содержатель уже и не мечтал о зароботке — лишь бы эта «чума» осталась довольна и не разнесла его заведение по бревнышку.

Стараясь спасти положение, он подал знак самому красивому и яркому гэру в тереме.

Тот на миг оробел, но, заставив себя нацепить самую обворожительную улыбку, поплыл к гостю летящей походкой.

— О-о, господин... — пропел он кокетливо, — неужели мой вид так расстроил вас?

Его звали Сян-гэр. Глядя на гостя томным, полным притворной обиды взглядом, он гибкой змеей прильнул к Мин Пэнкуню, положив тонкие холеные пальцы ему на грудь.

Но резкий, густой запах дешевых румян лишь сильнее взбесил миньского отпрыска.

— Пошел вон! — Он с нескрываемым отвращением оттолкнул Сян-гэра. — Дешевка!

Гэр с коротким вскриком повалился на пол.

— Сян-гэр! — Содержатель и пара друзей-гэров бросились к нему на помощь.

Музыкант за ширмой, должно быть, услышав этот грохот, не удержался и взял несколько фальшивых нот. Гнев Мин Пэнкуня вспыхнул с новой силой. Он одним рывком опрокинул ширму.

— Что это за какофония? Ушам больно!

Всё шло наперекосяк! Оказавшись в этой дыре, он понял, что здесь всё гораздо хуже, чем он воображал. Сил терпеть не осталось!

Лицо Мина потемнело, в груди вскипела черная ярость. Его взгляд упал на маленького гэра, сидевшего за гуцинем в белой вуали. В три шага Мин оказался рядом и грубо дернул его на себя.

В суматохе вуаль соскользнула, обнажив бледное личико. Кожа гэра была белой, как снег, черты лица тонкими, а меж бровей алела капелька киновари. Испуганные черные глаза, полные слез, могли бы растрогать любой камень.

Увидев его, Мин Пэнкунь немного остыл. Наконец-то хоть кто-то, на кого можно смотреть без содрогания.

— А этот недурен. Беру его.

Он бесцеремонно сгреб гэра в охапку и начал рвать на нем одежду.

— Нет! — закричал кроха, отчаянно сопротивляясь. — Пустите меня!

Увидев это, содержатель побледнел и бросился на выручку с заискивающей улыбкой:

— Господин... господин! Вы не так поняли! Лянь-гэр — чистый гэр, он продает свое искусство, а не тело! Через пару лет он собирается выкупить... Ай!

Не успел фулань дотянуться до Лянь-гэра, как один из стражников наотмашь ударил его ногой. Содержатель отлетел на несколько метров и рухнул на пол, сплевывая кровь.

— Матушка! Матушка! — в ужасе закричали гэри, порываясь к нему, но стражники с мечами преградили им путь холодным, убийственным взглядом. У бедняг подкосились ноги, никто не посмел сделать и шага.

— Чистый гэр? Тем лучше, — удовлетворенно ухмыльнулся Мин Пэнкунь, проводя тяжелой ладонью по нежной щеке Лянь-гэра. — Вот я тебя и «приласкаю»...

— Пусти! — Лянь-гэр бился в его руках, но что его детская сила против взрослого мужчины?

— Отпустите Лянь-гэра! — Сяо Люцзы, маленький слуга гэра, не выдержал и бросился на помощь своему господину.

В глазах Мин Пэнкуня сверкнула жестокость. В этой захолустной дыре даже ничтожный раб смеет проявлять неуважение?

Один из охранников шагнул вперед и ударом ладони отшвырнул мальчишку. Сяо Люцзы кубарем покатился по полу, но тут же вскочил и снова ринулся в бой.

Ярость окончательно затопила рассудок Мина. Он выхватил меч у стоявшего рядом стражника и с силой нанес удар.

Всплеск! Алая кровь брызнула во все стороны.

— Сяо Люцзы!

Мальчишка почувствовал резкую боль в груди и замер. Он поднял глаза на Лянь-гэра, его губы дрогнули, он хотел что-то сказать, но не смог. С глухим стуком он рухнул на пол. Тело несколько раз дернулось в конвульсиях и затихло навсегда.

— Сяо... Люцзы... — Лянь-гэр в оцепенении смотрел на бездыханное тело своего друга.

— Убили! Убивают! — Кое-как поднявшийся содержатель, увидев расползающуюся лужу крови, снова рухнул на колени. Сердце его бешено колотилось, и, не успев даже закричать, он закатил глаза и лишился чувств.

— А-а-а-а! — Гэри, которые в жизни не видели ничего страшнее забитой курицы, зашлись в истерическом крике при виде этого кровавого кошмара. Те, кто был послабее, упали в обморок, остальные просто сидели на полу, трясаясь от ужаса.

Один из гэров продолжал истошно кричать, обхватив голову руками. Звук показался Мину

слишком резким. Он подошел к кричащему с окровавленным мечом и одним ударом заставил его замолчать навсегда. Затем он обвел остальных ледяным взглядом хищника.

Сян-гэр замер, парализованный страхом, не смея больше издать ни звука.

Шум прекратился, и Мин Пэнкунь, проявив «милосердие», не стал добивать остальных. Он небрежно бросил меч стражнику.

— Мин Одиннадцать.

— Слушаю, господин.

Мин Одиннадцать принял меч и подал знак остальным: всех свидетелей вытолкали вон из комнаты, а тех, кто был без сознания, просто вытащили за ноги в коридор.

В комнате остались только Мин Пэнкунь и Лянь-гэр.

Выброшенные в общий зал, гэри прижимались друг к другу, давясь безмолвными рыданиями. Тела Сяо Люцзы и второго убитого бросили неподалеку, и багровая кровь медленно пропитывала ковры.

— Помогите... КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ... А-А-А!!! — пронзительный, полный боли крик Лянь-гэра внезапно разорвал тишину, эхом отдаваясь в пустом зале. Оставшиеся в живых гэри, глядя на окровавленный клинок в руках стражи, лишь закрывали глаза, беззвучно обливаясь слезами.

<http://bllate.org/book/15226/1355855>